

ПАМЯТИ НИКИТЫ ВИССАРИОНОВИЧА ШЕБАЛИНА
(нефилологические воспоминания)

Приступая к написанию этой небольшой заметки о моем покойном друге, филологе-классике Никите Виссарионовиче Шебалине (1938–1995), я хотел бы сделать две предварительные оговорки. Во-первых, я не имею в виду писать полную биографию Н. В. У меня нет для этого ни достаточных данных, ни действительно необходимого повода. Во-вторых, я не собираюсь давать обзор, а тем более оценку, его филологическим занятиям и трудам. Будучи, что называется, чистым историком, я никогда не решился бы заниматься анализом чьих бы то ни было филологических работ. Моя цель — составить небольшую запись воспоминаний с тем, чтобы на основе личных впечатлений представить портрет, но, разумеется, только контуром, весьма незаурядного человека, которого я знал на протяжении многих лет.

Мое знакомство с Н. В. Шебалиным началось на рубеже 60–70-х годов XX в., когда Н. В., тогда еще молодой филолог-классик, вел латынь на историческом факультете нашего университета. Группа студентов, с которой он занимался, была весьма разношерстной: там были студенты кафедры истории древней Греции и Рима, медиевисты, а более всего вечерники с разных кафедр, ибо в ту пору вечернее отделение было очень значимым на нашем факультете. На нем занимались наиболее интересные студенты, которые по тем или другим причинам (чаще всего, в силу своего социального или национального происхождения) не смогли поступить на дневное отделение. Я познакомился с Н. В. как бы невзначай: возможно, просто столкнулись в коридоре истфака, а может быть, нас свел наш общий наставник Аристид Иванович Доватур. Мы скоро сблизились, чему способствовало и некоторое сходство характеров, и небольшая разница в возрасте. Я был всего на пять лет старше Н. В. Помню, как приятно было встречаться с ним перед первыми утренними занятиями в коридоре истфака. Он шел навстречу с радостной улыбкой, иногда распахнув руки, словно для объятия, и нередко вынимал из

кармана то сухарик, то сушку и вручал в качестве утреннего подарка. Помню, в ту пору меня, как и некоторых других, очень развлекало само имя Шебалина. Уж больно забавно было сочетание «Никита Виссарионович», в чем можно было усмотреть своеобразное слияние воедино двух приснопамятных образов — Сталина и Хрущева. Незлобивый характер Н. В. проявлялся в том, что он не обижался на реплики по этому поводу, высказываемые вслух знакомыми или незнакомыми ему людьми. Напротив того, он и сам готов был поддерживать шутку по этому поводу.

Нашему сближению много содействовала и дружба с Ярославом Витальевичем Доманским, замечательным археологом и удивительно обаятельным человеком, который постепенно на наших глазах превратился в негласного лидера ленинградских археологов-античников. С начала 70-х годов нашим вторым домом — и для Н. В., и для меня — стал дом Доманских на углу Кузнечного переулка и Пушкинской улицы, недалеко от Лиговки. Я. В. Доманский унаследовал от отца, крупного инженера советской эпохи, большую квартиру, которая, естественно, стала своеобразным центром притяжения. Ведь у многих в ту пору не было своих отдельных квартир. И Н. В., и я — мы жили в больших коммуналках, единственное преимущество которых состояло в том, что они были расположены неподалеку от дома Доманских: я жил в начале Гороховой, близ Адмиралтейства, а Н. В. — на Фонтанке.

Семья Доманских была удивительно гостеприимной. Хозяйством правила теща Я. В. Доманского, старая, но удивительно красивая и умная женщина, Фаина Петровна. Ей помогала по хозяйству ее дочь, Лина (Элина) Семеновна, которая позднее, после смерти матери, стала главной в том доме. Кроме старших надо упомянуть о дочери Я. В. Доманского, Ольге, которая выросла на наших глазах и превратилась в очаровательную женщину. Затем — ее муж, Борис, а позднее и их дети, близнецы Андрей и Митя.

Н. В. особенно прикипел душой к семейству Доманских. К нему относились с искренней любовью, и у него в той квартире был свой уголок — место за столом в небольшой комнатке напротив входа, служившей кабинетом для Я. В. Доманского. Там Н. В. просиживал часами, коротая время за какой-либо книгой между занятиями в

университете и вечерним обедом у Доманских, на который иногда сходилась много людей.

Знаменательным в истории моих отношений с Н. В. был вечер после защиты мною докторской диссертации в июне 1972 г. После защиты был банкет в ресторане «Московский» (на углу Литейного и Невского), потом мы компанией прошли по Невскому до дома на Гороховой, где я в ту пору жил, там допили остатки всего, что было в доме, а затем отправились провожать нашего общего приятеля И. Б. Брашинского на Васильевский остров. Был удивительно тихий и теплый июньский вечер. Мы шли неспешно и за разговорами пропустили время, когда можно было еще вернуться в центр до разводки мостов. Мы с Н. В. и моей женой (выпускницей истфака, одно время учившейся у Н. В. латыни) остались сидеть на ступеньках спуска к Неве рядом с Кунсткамерой. Я помню, как Н. В. читал с воодушевлением стихи и рассказывал с неподражаемым чувством юмора анекдоты. И в дальнейшем мы не раз совершали совместные прогулки от университета к Гороховой и дальше к Фонтанке, где жил Н. В.

Хочу сказать несколько слов о том впечатлении, которое произвел на меня Н. В. в ту пору первого знакомства. Он был чуть выше среднего роста, красив, отличался природной стройностью и усвоенной раз и навсегда горделивой выправкой не то юнкера, не то молодого английского джентльмена. Он был человеком высокой, утонченной культуры. Был начитан в русской и западной литературе, причем русскую литературу знал досконально — от «Слова о полку Игореве» до Баркова, от Пушкина до Блока и Брюсова. Н. В. был настоящим ленинградцем: он любил свой город, изучал его планировку и архитектуру, знал множество подробностей о тех, кто строил город в разные времена и мог с увлечением рассказывать не только об Адмиралтействе и дворцах, но и о разных архитектурных диковинках, которые можно было обнаружить в дворах петербургских домов. Н. В. был сыном известного композитора В. Я. Шебалина и, возможно, от отца унаследовал тонкий музыкальный слух и память. Он мог напеть старинный романс в стиле Вертинского, которым в ту пору так все увлекались, а мог включиться в компанию подвыпивших женщин, собиравшихся на нашей большой коммунальной кухне, и, шутиливо дирижируя, направлять их нестройное

ление. В Шебалине была не только высокая культура, но и удивительная демократичность, позволявшая ему находить общий язык с людьми самого разного общественного положения и уровня развития. Но особенно примечательна была в нем исключительная доброта. В доме Доманских он стал едва ли не главной нянькой для внуков-близнецов: он их нежно любил и они платили ему взаимностью.

Постепенно вокруг Я. В. Доманского сложился кружок особенно близких друзей, куда входили люди примерно одного возраста, объединенные общей любовью к античности и схожими специальными занятиями. Помимо Я. В. в этот кружок входили Иосиф Бениаминович Брашинский, выпускник нашей кафедры, историк и археолог, Н. В. Шебалин, филолог-классик, самый молодой в нашей компании, автор этих строк, и, наконец, присоединившийся к нам несколько позднее Александр Николаевич Щеглов, археолог, много сделавший для изучения древних памятников Северо-Западного Крыма. В какой-то момент нам пришлось в голову оформить наше содружество, присвоив ему нарочито горделивое обозначение «Академия». Мы выработали даже (к сожалению, только в устной форме) устав нашей «Академии». Среди его главных положений было безусловное недопущение женщин к нашему собранию, ввиду их, как нам казалось, природного легкомыслия, чреватого, однако, серьезными последствиями. Женщинам разрешалось только подготавливать нашу вечернюю трапезу, после чего им полагалось удалиться. Собирались время от времени, чаще всего у тех, кто располагал отдельной квартирой, — у Доманского, у Брашинского и у меня (после того как мне удалось получить отдельную квартиру), реже у Щеглова и практически ни разу у Шебалина. У последнего была строгая мать, Ольга Павловна, которая не допустила бы, чтобы ее выпроводили из собственного дома. На наших вечерних посиделках трапеза была достаточно скромной, но в чем мы себе никогда не отказывали, так это в вине, за которым привольно текла беседа на самые разные темы: о новых археологических открытиях, о теории колонизации (тогда модном предмете у античников-причерноморцев), о женщинах и почти никогда — о политике. Увы, теперь из этого содружества остался я один, и мне и приятно, и грустно вспоминать о нашей «Академии».

В нашей компании Н. В. был, пожалуй, самой утонченной натурой. Его любили и всегда прислушивались к его мнению по любому поводу. Его собственные профессиональные занятия были связаны с классической филологией. От своего главного наставника А. И. Доватура он унаследовал интерес к греческой поэзии века архаики. Его главные занятия были связаны с Феогнидом, в корпусе элегий которого он, подобно Доватуру, любил отыскивать и толковать трудные места. Другую область его занятий составляли метрические надписи и, более широко, причерноморская эпиграфика. И здесь тоже он шел по стопам Доватура, который внес решающий вклад в издание «Корпуса боспорских надписей». Н. В. дал остроумное толкование некоторым документам, вошедшим в состав КБН. По отдельным сюжетам, связанным с этими темами, Шибалин выступал с докладами на заседаниях кафедры классической филологии и особенно студенческого научного кружка филологов-классиков, непременным руководителем которого на протяжении многих лет был А. И. Доватур. Можно только пожалеть, что эти доклады большею частью остались неопубликованными.

Но эти занятия — и Феогнидом, и эпиграфикой — не заполняли все рабочее время Н. В. Он был человеком увлекающимся и рано, параллельно с древнегреческой филологией, погрузился в изучение русской литературы древнейшего периода, а более всего — лексики «Слова о полку Игореве». Я не раз наблюдал, как он, сидя в кабинетике Доманского, ломал голову над отдельными лексемами и оборотами речи этого древнерусского памятника, занося свои наблюдения на отдельные листки, а вернее, клочки бумаги. Он охотно делился своими наблюдениями над этим памятником со своими друзьями. Мне не раз приходилось слышать его интересные толкования отдельных мест «Слова», и я жалею, что в свое время не удосужился как-то отметить для памяти эти рассуждения Н. В.

Помимо этого, у него было еще одно пристрастие — к составлению шуточных стихотворных эпиграмм по разным поводам. Из этого увлечения выросло создание небольшого сборника шуточных басен под общим названием «Мужик и конь». Сборничек открывался эпиграфом:

Мужик однажды диссертацию защитил
О том, как на коне дрова возил...

За этим эпиграфом следовала шутовская ссылка: «Песталоцци»¹. Некоторые из этих басен были написаны в нарочито грубоватой манере, иногда на грани того, что дозволимо с точки зрения строгого литературного вкуса. Впрочем, у Н. В. были стихи и вовсе «недозволимого» характера. Здесь сказывается традиционное в русской интеллигентной среде некоторое пристрастие к тому, что когда-то, в середине XIX в., замечательный русский литератор и критик Александр Васильевич Дружинин называл «чернокнижием». В своих дневниках Дружинин не раз упоминает о том, как он, Некрасов и еще кто-то в конце недели, удалившись на дачу, предавались этому чернокнижию. У Дружинина с Некрасовым были в этом деле замечательные предтечи: за сто лет до того — приснопамятный И. С. Барков, а за четверть века до них — знаменитый Пушкин.

Н. В. продолжал эту традицию. В чем кроется загадка этого нередкого пристрастия выдающихся по своей культуре людей к «чернокнижной», избыточной ненормативной лексикой поэзии? Может быть, разгадку надо искать в некоей спровоцированной избытком существующей литературной нормы реакции на все правильное и приличное? Трудно сказать. Так или иначе, эта маргинальная линия мировой литературы очень устойчива, а ее истоки восходят даже к классической древности — можно вспомнить об Аристофане и Катюлле.

Разбросанность, свойственная ученым и неученым занятиям Н. В., была главной причиной того, что он очень долго не мог завершить работу над кандидатской диссертацией по «Истокам древнегреческой метрической надписи». А. И. Доватур прилагал всяческие усилия, чтобы заставить Шебалинчика (как он ласково именовал Н. В.) завершить диссертацию и выйти на защиту. Меня он тоже привлекал к участию в этом побуждении, но я как-то всерьез к своей роли «побудителя» не относился. Другие занятия и увлечения отвлекали меня в сторону, и трудное это дело Доватур вынес, в конце концов, на своих плечах. Н. В. защитил диссертацию только в 1981 г., спустя два десятка лет после утверждения диссертационной темы. В связи с этим я еще раз хотел бы подчеркнуть ту

¹ Сборник этот существовал только в рукописи и остался неопубликованным. Однако Н. В. собственноручно изготовил несколько экземпляров этого собрания и подарил их разным друзьям, в том числе и мне.

большую роль, которую играл в жизни и занятиях Н. В. наш общий наставник А. И. Доватура. Он, несомненно, ценил незаурядные способности и тонкий вкус Н. В., он любил его как своего родного сына и относился к нему всегда с исключительной заботой и нежностью. Ласковое прозвище, о котором я только что упомянул, было в устах Доватура совершенно естественным и уместным. Я уже упомянул о том, что занятия Н. В. Феогнидом и причерноморской эпиграфикой начались и протекали в значительной степени под влиянием Доватура. К этому надо добавить, что А. И. привлек Шебалина к важному коллективному предприятию — переводу позднего античного историка Геродиана. Перевод был выполнен учениками Доватура и под его редакцией был опубликован сначала в отделе приложений в «Вестнике древней истории», а затем и отдельной книжкой.

К сожалению, защита диссертации не стала для Н. В. тем рубежом, преодоление которого для многих других становится предпосылкой нового витка ученой карьеры. Время шло, а Н. В. по-прежнему проводил свои вечера у Доманских за чтением «Слова» и неспешным питием любимого им красного вина. Здесь я должен коснуться не очень приятного, даже весьма щекотливого момента в жизни Н. В. Он рано приобщился к винопитию, чему особенно способствовало его участие в археологических экспедициях, которые нередко оборачиваются для их участников веселым разгулом. Н. В. был душой таких компаний: если главенство тамады на этих собраниях, бесспорно, принадлежало Я. В. Доманскому, то веселый колорит им, бесспорно, придавал Н. В. Но, как говорят, за все приходится платить. Увлечение веселым застольем и красным вином, бесспорно, отвлекало Н. В. от серьезной научной работы, а, в конце концов, и разрушило его здоровье.

Завершая эту небольшую заметку о моем покойном друге, я бы хотел остановиться на тех обстоятельствах, которые не дали полностью проявиться недюжинным способностям Н. В., не дали ему реализоваться в научной сфере так, как этого следовало ожидать, учитывая его дарование и культуру. Думаю, что причин здесь было несколько. Одна из них — долгое пребывание под началом умной и сильной женщины, какой была мать Н. В. Ольга Павловна. Н. В. рос без отца и, как это нередко бывает в таких случаях, стал залож-

ником материнской любви. Сильная воля матери подчиняла его и, возможно, именно потому его тянуло в буйные компании, и по этой же причине он не мог обрести самостоятельность и завести собственную семью. Вторая причина — то неумеренное пристрастие к вину, о котором я упомянул. А третья — это вечный недостаток образованных, интеллигентных молодых людей в России — их увлечение разными предметами, неспособность сосредоточиться на чем-то главном и довести это главное до необходимого завершения. На ум приходит трогательная сценка из повести И. С. Тургенева «Ася», где молодые люди с жаром обсуждают планы будущей своей творческой деятельности, а затем следует незлобиво скептическое замечание автора о пристрастии наших молодых людей к разным планам и начинаниям, которые, однако, они не в состоянии довести до конца.

Как бы то ни было, я с нежностью вспоминаю о нашей дружбе с Н. В. Шебалиным. Для меня он остался воплощением живой, искрящейся блесками ума и остроумных суждений молодости.